

„Московский комсомолец“ 1980 18 сент.

«В ГОРОДЕ КУСТОДИЕВЕ ПРОГУЛЯЙТЕСЬ...»

САМОВАР поднялся над землей и поплыл по воздуху, покачиваясь и выпуская из трубы облака густого белого дыма. Вслед за ним вверх взвился почтовый ящик, закружились, хлопотали на ветру конверты и открытки, замелькали спичечные коробки, посыпались густым дождем черноголовые спички, загорелась парящая в воздухе электрическая лампочка, и на землю вдруг опустился и заиграл в свою широкую трубу граммофон. А где-то далеко внизу, среди зеленых лугов и розовеющих полей, пыхтя белым паром и выбрасывая назад хвост угольно-черного дыма, показались маленький паровозик и длинная цепочка разноцветных, будто игрушечных вагонов...

Мы еще не успели разобратся во всем этом столпотворении, не знаем, куда и откуда несутся и летят изображенные на рисунке предметы, но уже увлечены происходящим и вполне разделяем неописуемый восторг нескольких мальчишек и девчонок, на глазах у которых совершается эта небывальщина. На трех больших конвертах, которые вместе с остальными порхают в воздухе, читаем надпись заглавия «ЧУ-ДЕ-СА». Такой обложкой начинается книга С. Я. Маршак «Чудеса», оформленная в 1924—1925 годах видным русским художником Борисом Михайловичем Кустодиевым.

По мере углубления в

книгу читатели подробно и обстоятельно знакомились с каждым из чудес, которые на обложке художник соединил в веселой фантастической пляске, и не только с чудесами. Иллюстрации воспроизводили и сцены на петроградских улицах, и железнодорожный тоннель в горах, и извержение вулкана, и пожар в Токио, и баррикадные бои в Берлине.

«Любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему, русскому — это было всегда единственным «сюжетом» моих картин», — так определил сам художник сущность своего творчества за год до смерти, в 1926 году.

Писатель Евг. Замятин рассказал как-то о существовании «города Кустодиева», что раскинулся по берегам Волги в окружении дремучих медвежьих боров. Жители этого города сошлись однажды все вместе на страницах книги-альбома, получившей название «Русь. Русские типы Б. М. Кустодиева».

Широкое знание народного быта, демократическая направленность и конкретность в сочетании с тенденцией отображения типического в образе делали искусство Кустодиева близким творчеству крупнейших мастеров русской литературы. В 20-х годах Кустодиев — признанный иллюстратор русских классиков: Пушкина, Некрасова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Лескова и многих других. Он оформляет скромные,

но любовно изданные книжки массовых серий и полиграфические шедевры для библиофилов. В иллюстрациях события и действующие лица с удивительной легкостью и естественностью переносятся в пределы знаменитого города на Волге или его окрестных деревень. По исконным кустодиевским местам проходят герои стихотворений Некрасова: корабейники, дядюшка Яков, Влас.

Обращаясь к седой старине «Руслана и Людмилы» (1921 г.), художник менее всего увлечен воссозданием внешних примет древности, главным для него остается выражение черт национального характера, народного духа Руси.

Оформление пушкинской поэмы, предназначенное для «Народной библиотеки», приближено Кустодиевым к кругу образов русского фольклора.

Нина в заставке и концовке первых двух песен — это не столько мстительная и гордая колдунья, сколько старушка-полевушка из сказки. Она появляется среди клубов едкого дыма и языков пламени — крохотная, согбенная, с клюкою в руке и фыркающей черною кошкой на горбу — совсем старенькая, но крепкая, живая, как-то по-молодому смеющаяся, не слишком злобная, а скорее занятая и очень выразительная фигура. Добрым молодцем-богатырем, крестьянским сыном изображен на картинках

Руслан. А Людмила — настоящая русская красавица: здоровая, сильная, жизнерадостная, статная — родная сестра и подруга знаменитых кустодиевских «Красавиц» или его «Русской Венеры». В садах Черномора, надевая шапку-невидимку, она богатырски возвышается над своими преследователями, совершенно не принимая их всерьез и откровенно смеясь над ними. Многие сцены сказок Пушкина Кустодиев изображает в бытовом или сатирическом плане.

В 1924—1925 годах, предпринимая издание альбомов для украшения «Труд» и «Сельский труд», издательство Брокгауз — Ефрон поручило их оформление Кустодиеву.

В альбомах галерея русских типов художника была продолжена, но уже несколько по-иному, чем это было прежде. Здесь были сапожник и столяр, маляр и пекарь, кузнец и живописец, пряха, косарь, сеятель, рыбак, пильщик, плотовщик. Есть внутренняя связь, гармоническое единство между обликом каждого из этих тружеников и теми вещами, той средой, которая их окружает.

Сколько энергии, бодрости, сноровки в движениях и облике каждого мастера, как много интересного вокруг них! Верстаки, огромные деревянные брусья, стружка под ногами, множество всяческого инструмента в мастерской столяра. Сам

он — немолодой, но подтянутый, почти щеголеватый в светлой рубашке и темном жилете легко и спорно орудует большим фуганком. На другой картинке сильная, крапивообразная фигура широко шагающего по пашне сеятеля сливается с окружающей ее природой — землей, весенней травой, далеким простором полей и ясным небом в единый торжествующий, почти символический образ...

Графика Кустодиева — это огромная, пока еще мало известная широкому кругу зрителей область. Как всякое большое искусство, творческое наследие художника не теряет новизны и свежести. Мно-

гое из этого наследия уже вошло в живую практику нашей сегодняшней художественной культуры. Однако пока еще слишком мало переиздавались книги с иллюстрациями мастера, ждут своего воспроизведения в специальных альбомах его гравюры на дереве и линолеуме (многие из них чудесно раскрашены самим художником), его литографии, рисунки и акварели. С появлением таких изданий наши прогулки по «городу Кустодиеву», по окружающим его полям и весам станут еще более увлекательными, продолжительными и частыми. «Город Кустодиев» сохранил для нас неповторимый колорит далекого прошлого жизни народа, приблизил к нам светлую героиню и оптимизм эпохи первых лет революции.

В. ИВАНИЦКИЙ.

